

высшими силами, и отношения общностей и верующих «по поводу» высших субъектов. Вторая направлена на регламентацию и регулирование земных отношений и поступков. Основания обеих подсистем находятся в соответствующей религиозной доктрине, системе конфессиональных взглядов.

В связи с тем, что действия, поступки входящих в религиозную общность индивидов жестко регламентированы, важной стороной функционирования общности является совершение культовых действий. Посредством совершения этих действий верующие воздействуют на Богов, иные духовные силы, стремятся реализовать цели. Культ имеет особую значимость для придания устойчивого функционирования религиозной общности, ее постоянного воспроизводства. Как правило, вхождение личности в общность начинается в участия в культовых практиках, на первых порах — нерегулярных, эпизодических. Участвуя в совместных культовых действиях в рамках религиозной общности, люди идентифицируют себя с ней, и через этот процесс — с конфессией, ее доктринальными и институциональными составляющими. Особенность религиозной общности как доктринальной проявляется в том, что разделяемые входящими в нее людьми идеи стандартизируются. Люди в составе общности обладают различиями во взглядах, оценках, представлениях, преодолеть которые для обеспечения коммуникации и совместной деятельности можно только через стандартизацию взглядов. Стандартизация религиозных идей обеспечивается апелляцией к Богу, другим высшим силам. Сакрализация идей обеспечивает консолидацию и коммуникацию, взаимопонимание членов религиозной общности, но в то же время — препятствует проявлению индивидуальности.

Доктринальные религиозные идеи, приобретшие сакральный характер, разделяемые их последователями, становятся важнейшим фундаментом, на котором стоит и функционирует религиозная общность, выполняют интегрирующую функцию. Ядром каждой конкретной конфессиональной доктрины выступает священное знание, полученное пророками (пророком), передаваемое рядовым верующим через учеников. Носителями и пропагандистами доктринальных идей являются священнослужители, и поэтому миряне доверяют им так же, как и самим пророкам. Доктринальный мир начинается восприниматься верующими как более значимый и подлинный, чем повседневная жизнь. Это становится детерминантой таких поступков, как поиск единомышленников-единоверцев, совместные действия по отправлению религиозного культа, участие в таинствах и ритуалах для достижения как трансцендентных, так и инструментальных целей.

Таким образом, доктринальное единство религиозной общности основывается как на субъект-субъектном взаимодействии входящих в нее акторов, так и на вере в реальность взаимодействия последних с высшими силами, осуществляемого посредством пророков и их учеников. При этом иерархия субъект-субъектного взаимодействия выстроена четко, опирается на догматы. Приверженность доктринальным идеям регулируется, контролируется и охраняется посредством религиозных институтов. Религиозные институты, являясь одним из видов социальных институтов, обладают значительной спецификой, но это — тема отдельного рассуждения.

Литература

Вебер М. Социология религии: (Типы религиозных сообществ) // Избранное. Образ общества. М.: Юрист. 1994.

Лебедев С.Д.

Рефлексия религии в светском образовании как проблема межкультурной коммуникации

Кафедра социологии и организации работы с молодежью

Белгородского государственного национального исследовательского университета

Аннотация. В статье предпринимается попытка синтеза ряда теоретических положений с целью описания и дальнейшей диагностики российской ситуации с изучением религии в светском образовании. Последняя рассматривается как феномен межкультурной коммуникации, в которой участвуют конструирующие социальную реальность смысловые

паттерны светского и религиозного типов культуры. Важной характеристикой такой коммуникации является асимметричность позиций и рефлексивных возможностей актуальных культур в силу мейнстримного статуса светской. Предмет социологического изучения — характер осмысления религии в контекстах образовательной коммуникации. Обосновывается тезис, согласно которому проблема коренится в «нормативном» подходе к изучению религии в школе, традиционно предполагающем целостный смыслообраз религии, тогда как современная ситуация объективно делает её восприятие обучающимися множественным и изменчивым. Это предполагает необходимость разработки и внедрения социологического модуля образовательной рефлексии.

Ключевые слова: рефлексия религии в образовании, конфессионально ориентированное обучение, межкультурная коммуникация в образовании, светская и религиозная культуры, социологическая рефлексия образовательного процесса.

Lebedev S.D.
**Reflection of religion in secular education as a problem
of intercultural communication**

*Department of Sociology and Organization of Work with Youth,
National research university «Belgorod State University»*

Abstract. The article attempts to synthesize a number of theoretical principles in order to describe and further diagnose the Russian situation with the study of religion in secular education. The latter is considered as a phenomenon of intercultural communication, in which the semantic patterns of secular and religious types of culture that construct social reality are involved. An important characteristic of such communication is the asymmetry of the positions and reflective capabilities of actual cultures due to the mainstream status of secular culture. The subject of sociological study is the nature of understanding religion in the contexts of educational communication. The thesis is substantiated, according to which the problem is rooted in the “normative” approach to the study of religion at school, which traditionally assumes a holistic sense of religion, while the current situation objectively makes its perception of students multiple and changeable. This implies the need to develop and implement a sociological module of educational reflection.

Keywords: reflection of religion in education, confessionally oriented teaching, intercultural communication in education, secular and religious cultures, sociological reflection of the educational process.

Введение (INTRODUCTION).

Проблемная ситуация, рассмотрению которой посвящена данная статья, связана с преподаванием знаний о религии в современной российской школе, в котором определяющим («модельным») выступает конфессионально ориентированный подход. С одной стороны, соответствующие образовательные практики в России уже почти четверть века устойчиво существуют по факту, имеют заметную поддержку в обществе и государстве и, по существу, превратились в институционализированную подсистему национальной системы образования. С другой стороны, доминирующее содержание и формы таких практик вызывают критическое отношение экспертного сообщества и значительной части общественности [18, 2013]. Вопрос об их дальнейшей эволюции остаётся острым и открытым.

В этой связи необходимо внимательно и системно изучать накопленный нашей школой опыт (позитивный и негативный) и живой процесс такого преподавания, и на основе этого постоянно искать и находить более оптимальные формы образовательной коммуникации в части религии, исходя из интересов и ценностей всех основных субъектов образования — прежде всего, обучающихся. Иными словами, следует не отменять и не оставлять «на откуп» стихийным политическим умонастроениям решение вопроса «религия и современная школа», но максимально согласовывать содержание и формы сложившегося присутствия знаний о религии в светской образовательной коммуникации с потребностями, ценностями и запросами различных субъектов образования, прежде всего, граждан. Этому призваны служить институциональные механизмы гражданского диалога, научной экспертизы и просветительства, где научно-экспертная функция представляется ориентирующей и направляющей.

Методология и методы (Methodology and methods).

В основу последующих рассуждений закладывается полипарадигмальный подход, предполагающий комбинацию различных социологических подходов и теоретических моделей с целью всестороннего и целостного описания предмета исследования. Он исходит из невозможности создания «интегральной» социологической теории, адекватно описывающей сверхсложную и постоянно изменяющуюся социальную реальность современности; необходимости комплексного принципа в исследовании и поиске решений «эмерджентных» социальных проблем; растущей дифференциации при размывании границ между отраслевыми социологиями и социальными и гуманитарными дисциплинами в целом [10, 2019, С. 620-621]. В данном русле осуществляется анализ и синтез положений ряда социологических теорий макро- и мезоуровня.

Методология и методы (Methodology and methods).

В основу последующих рассуждений закладывается полипарадигмальный подход, предполагающий комбинацию различных социологических подходов и теоретических моделей с целью всестороннего и целостного описания предмета исследования. Он исходит из невозможности создания «интегральной» социологической теории, адекватно описывающей сверхсложную и постоянно изменяющуюся социальную реальность современности; необходимости комплексного принципа в исследовании и поиске решений «эмерджентных» социальных проблем; растущей дифференциации при размывании границ между отраслевыми социологиями и социальными и гуманитарными дисциплинами в целом [12, 2019, С. 620-621]. В данном русле осуществляется анализ и синтез положений ряда социологических теорий макро- и мезоуровня.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Мы обобщаем в данной статье несколько ключевых тезисов, определяющих методологический подход к исследованию вопроса изучения знаний о религии в системе светского образования.

1. Предметная область темы «религия в образовании» раскрывается в культурном измерении, что означает: 1) пространство смыслов, 2) конструирующих социальную реальность через представления и действия субъектов 3) и подчиняющихся закономерностям логики культуры.

Рефлексия понимается нами как действие в смысловом измерении, «мыследействие», если воспользоваться термином школы методологов. В данной связи содержательно её составляет (ре-)интерпретация некоторого смыслового содержания, функционально связанного с переключением внимания мыслящего субъекта с цели на средства её достижения [4, 2007, С. 89]. Действие в материальном мире (предметное или коммуникативное) с необходимостью требует управляющего им мыследействия, которое методологически может быть рассмотрено автономно от него и даже может иметь полностью самостоятельный характер. Это последнее подчиняется специфическим смысловым закономерностям и правилам, не сводимым к закономерностям и правилам физического и социального миров. Эти закономерности и правила действуют в пространстве культуры.

Далее, к предмету изучения относятся не любые смысловые содержания, получившие «прописку» в культуре, но те, которые участвуют в «конструировании» и поддержании жизненного мира конкретных людей. Для этого они должны обладать свойствами актуальности и репрезентативности. Актуальность означает их непосредственное присутствие в повседневном «обороте», а репрезентативность — их свойство отображать и представлять для социальных субъектов общезначимую объективную реальность, быть знанием о ней. Только в этом случае есть основание говорить о смыслах как о, словами Дж. Александера, «культурных структурах» или «социальных текстах», которые неиллюзорно формируют одно из измерений социальной жизни [1, 2013, С. 63].

В свою очередь, логика культуры характеризует не все актуальные и репрезентативные смысловые структуры, но именно те из них, которые наиболее «концентрированно» представляют и воспроизводят некоторую культурную целостность в её структурно-содержательном ядре. Такие смыслы связаны с предельными («высшими») ценностями, имеют универсальный и экзистенциально значимый характер. Здесь встаёт вопрос о распознавании в некотором общем социокультурном пространстве системных паттернов культурных или, в

терминах П. Бергера и Т. Лукмана, «символических» универсумов. Такого рода распознавание осуществляется исключительно дедуктивным способом, с использованием идеально-типических моделей таких универсумов [11, 2000, С. 28-33]. В предметном плане нашего исследования, наиболее релевантными представляются идеальные типы светской и религиозной культурных систем.

Как следствие, культурная рефлексия в целом может быть определена как осмысление социальным субъектом какого-либо явления в логике определённой культуры, являющейся для него достаточно актуальной и репрезентативной. В свою очередь, предмет осмысления должен быть достаточно релевантен с точки зрения культурных универсалий — как в принципе, так и в контексте соответствующего универсума культуры. Если говорить о культурной рефлексии религии, то в современном обществе для неё принципиально значимы контексты светского и собственно конфессионального типов культуры. Именно они изначально «конструируют границы» мира религии и «мира вне религии», и именно на их основе религиозные и светские субъекты вступают в наше время в «постсекулярный диалог».

2. «Смысловая разметка» религии в современных обществах осуществляется в пространстве светской культуры и, как следствие, определяется её закономерностями. Влияние собственно религиозных концептуализаций в этой области весьма ограничено.

Данная ситуация определяется тем, что мы называем «асимметрией репрезентации» культурных паттернов светского и религиозного типов в обществах современности. Поскольку модернизация Нового и Новейшего времени в качестве одного из важнейших своих измерений предполагала секуляризацию [3, 1990, С. 131], современные общества в сравнении с обществами традиционными характеризуются «сокращением социального мира религии» [2, 1996, С. 700]. Если в общественном плане этот последний измеряется объёмом и плотностью сети отношений, непосредственно контролируемых и регулируемых религиозными институтами и структурами, то в культурном плане — репрезентативностью смысловых структур, интегрированных в религиозный дискурс или, как минимум, получивших религиозную санкцию.

Секуляризация, высвобождая институциональные связи из-под властного контроля религиозных центров, сокращала и сферу регулятивного влияния религиозных смыслов. Последние вытеснялись светскими аналогами — наукой, правом, эстетикой и прочими «подуниверсумами» знания, не требующими трансцендентного обоснования. Их глубинным ценностно-идейным базисом, заменяющим «религиозную парадигму», выступают метатеории «экслюзивного гуманизма» и его секулярных альтернатив, сформировавшиеся в XIX-XX столетиях [14, 2016, С. 470]. Результатом этого вытеснения явилось то, что светские паттерны социального знания составили его мейнстрим, тогда как паттерны религиозные (конфессиональные) оказались отгеснены на периферию социальной жизни — в большей степени, как в России, или в несколько меньшей, как в Соединённых Штатах Америки. Асимметрия их репрезентации характеризует все три, по П. А. Сорокину, измерения социальности: общественное — вытеснение светскими «информационными регулятивами» религиозных из институциональных полей и практик; культурное — сокращение актуального универсума религиозной культуры до культово-вероучительного ядра, при тотальном распространении светского универсума; субъектное (личностное) — практически всеобщий охват людей светской культурой при сохранении влияния религиозных культур на сравнительно небольшие группы активных верующих [10, 2015, С. 43-44, 212-220].

В этой связи закономерно, что и содержание самого религиозного комплекса получает в таком обществе, прежде всего, светскую оценку и интерпретацию. Знание о религии перекодируется в светском культурном ключе, и, если религиозная группа претендует на распространение аутентичного представления о своём вероучении, она сама вынуждена по возможности адаптировать его к светскому дискурсу [16, 2011, С. 12]. В ином случае религиозные символы, действия и концепты получают в нём отчасти стихийно-, отчасти целенаправленно-тенденциозную интерпретацию, далёкую от оригинала и зачастую противоречащую представлениям, ценностям и интересам самих верующих.

Как следствие сказанного, культурная рефлексия религии осуществляется в режиме межкультурного взаимодействия, где основными контрагентами выступают субъекты — носители светских и религиозных образцов мышления. Для указанного взаимодействия

характерно существенное количественное и качественное преобладание одной из сторон — именно, светской, которая в современных обществах значительно более репрезентативна, нежели любые конфессиональные универсумы. Из данного обстоятельства вытекает то, что обмен оценками, мнениями и интерпретациями осуществляется «на поле» светской культуры, которая, будучи стороной взаимодействия, в то же время формирует его язык и правила. В то же время приоритетным объектом осмысления становится проблематика, связанная с религией.

3. Предмет изучения — осмысление, которому подвергается религия в её релевантных для образования содержательных моментах.

В процессе образовательной расстановки ценностных и логических акцентов происходит «рекогносцировка» религии в представлениях человека и формирование устойчивой предметной «когнитивной карты», должной в дальнейшем ориентировать его в отношении этой области жизни. Указанная карта формируется в соответствии с закономерностями возрастной психологии и коррелирующими с ними целями и задачами образования на различных его ступенях. В плане формирования отношения к религии (не к собственно сакральному-сверхъестественному Предмету религиозного чувства, а именно к религии, как социальному и культурному явлению) важнейшим представляется подростковый возраст, которому соответствует ступень общего среднего образования. Именно здесь происходит столкновение первичных наивных и диффузных представлений с их критической рефлексией в контексте различных оценок и мнений, эффект которого усиливается возрастным психологическим максимализмом. Как следствие, в фокус внимания исследователя должна попадать, прежде всего, образовательная коммуникация и её внешний фон на уровне средней и старшей общеобразовательной школы.

Главная задача образования на данном его этапе — сформировать у обучающегося устойчивый усреднённый паттерн мировоззренческих представлений, ценностных ориентаций и поведенческих установок в отношении предмета изучения. Знаний здесь «приводится лишь столько, чтобы выработать у ученика *убеждение*, которого ему хватит на всю оставшуюся жизнь» [9, 2012, С. 339]. Специфика образовательного знания и способов его подачи на этом уровне состоит в том, чтобы сообщить целевому субъекту (обучаемому) такой содержательный блок знания и в такой форме подачи, которые в наибольшей степени работают на формирование соответствующего убеждения.

Содержание указанного ценностно-когнитивного паттерна задаётся общими параметрами социокультурной и политической ситуации, характеризующей социальную систему на данном этапе. В этой изоморфности доминирующего социального знания и образовательного знания проявляется принцип «рефлексии конгруэнтности» идеалов и реалий общества, обоснованный С. А. Шароновой в качестве базовой функции института образования [17, 2011, С. 85-87]. Реалии же сегодняшнего российского общества в плане его религиозной ситуации характеризуются противоречивыми трендами. Среди последних следует выделить: 1) общий тренд ревитализации религии и, как следствие, её актуализацию в публичной и частной сферах при почти полной атрофии институциональных механизмов для этого; 2) затяжные последствия социокультурной катастрофы начала 1990-х гг., стимулировавшие в обществе устойчивый интерес к религии и её массовую популярность, при крайне низком уровне массовой религиозной культуры и религиознообразовательности; 3) доминирующие, при высоком уровне поддержки государства, позиции традиционных российских конфессий с фактическим приоритетом православия в лице РПЦ МП при их довольно условной институциональной самостоятельности; 4) массовые прорелигиозные — проправославные социальные настроения при нарастании в последние годы контрправославных и контррелигиозных альтернатив [13, 2018, С. 42-43].

Рефлексивный ответ системы образования представляет попытку соотнесения этих объективных фактов с доминирующими сегодня в российском обществе идеалами стабильности, патриотизма и традиционализма [5, 2007, С. 404]. Такая попытка установления их конгруэнтности выразилась в концепции конфессионально ориентированного преподавания знаний о религии. Указанная концепция предполагает а) преподавание знаний о религии в форме отдельного учебного предмета в массовой светской школе; б) совмещение ознакомительно-религиоведческих и ценностноориентирующих задач в контексте моноконфессионального изучения религии; в) содержательный акцент на изучении одной,

наиболее культурно-исторически близкой конфессии [7, 2004, С. 150]. Иначе говоря, она содержательно компромиссна, т.к. формально в целом учитывает и приоритетность светскости, и «казак на религию» как «сверху», так и «снизу», и изменившийся характер социальной реальности. Однако тот факт, что именно образовательное поле взаимодействия актуализирующей религии со светскими институтами в результате стало одной из главных арен их конфликта, свидетельствует, что некие значимые параметры светско-религиозной коммуникации учтены не были.

Как следствие, задачей социологической науки (на стыке социологий религии, культуры и образования) становится выявление такого «фактора X», а в конечном итоге, обоснование стратегии и тактик оптимального взаимодействия религиозного и светского векторов в сложившейся проблемной зоне образовательной коммуникации. Сложность его определения, как нам представляется, связана со следующим обстоятельством.

4. Рефлексия религии в условиях современности определяется и управляется не столько целостным смыслообразом, интерпретирующим в своём горизонте все моменты социальной жизни, соотносящиеся с религиозной сферой, но сложным фрагментированным конгломератом представлений и оценок.

Как справедливо отмечает Ж.Т. Тощенко, отношение к религии в постсоветском российском обществе характеризуется множественными противоречиями — парадоксами [15, 2008, С. 356-361]. Более того, «если раньше, — отмечают И.В. Задорин и А.П. Хомякова, — отчетливо выделялись большие группы людей, отличающиеся целостным, логически непротиворечивым, внутренне связанным мировоззрением как неким общим комплексом идеологических взглядов (например, русский — православный — лояльный РПЦ — против абортотворения и т.п.), то сейчас подобной целостности нет» [6, 2019, С. 179]. На наш взгляд, это закономерно. Симметричное осмысление человеком религии как «своего» либо «альтернативного своему» жизненного мира, целостное и последовательное, представляется идеализированной моделью, до определённой степени соответствовавшей реальному положению дел ранее, но утратившей репрезентативность в современной ситуации.

Объяснений этому несколько. Во-первых, это основополагающее влияние паттернов повседневного знания, фрагментированного, некогерентного, «ризоматичного» по своей структуре [19, 2003, С. 194-195]. Во-вторых, это прогрессирующий процесс фрагментации, усиления «мозаичности» всего современного (модерного) культурного поля [8, 2005, С. 43-45]. В-третьих, и это уже относится к собственно рассматриваемому предмету, важен свершившийся переход светской культуры в мейнстримное, средообразующее состояние, вследствие чего в ней утратили структурирующее значение контррелигиозные идеологии и произошла плюрализация форм отношения к религии: от классической контрадикции «светское / религиозное» до индифферентности и даже парадоксального глубокого интереса к религиозным исканиям. Как выразил эту мысль Чарльз Тейлор, секулярность — не просто установка «вычитания религии», это именно «положение, когда все мы лавируем между двумя противоположными установками, когда каждая интерпретация воспринимается именно как интерпретация, и, более того, неверие стало для многих основным выбором «по умолчанию» [14, 2016, С. 18]. В процессе такого лавирования неизбежна фрагментация восприятия с произвольным и на первый взгляд эклектичным подбором представлений «на выходе», когда одни ракурсы религии оцениваются и интерпретируются в одном, а другие — в совсем ином контексте.

Отсюда культурная рефлексия религии в наше время представляется не целостным единым паттерном, выстроенным в логике конфессионального (официального или «народного») либо светского (например, академически-научного или идеологически-секуляристского) дискурса, а, скорее, пестрым «лохматным одеялом», включающим, по мозаичному принципу, представления и оценки из того и другого, а внутри каждого — из различных их разновидностей. «Сегодня индивиды «пишут» свои религиозные нарративы, используя понятия и символы, которые «выпали» из неких устойчивых систем смыслов, связанных с той или иной многовековой религиозной традицией» [20, 2015, С. 255]. Добавим: и из систем, связанных с более поздними секуляристскими воззрениями. Институциональная рефлексия системы образования работает ещё в старой парадигме, предполагающей выстраивание и трансляцию некоторого целостного, нормативного смыслообраза религии. Но сама ситуация, когда нет абсолютного преобладания репрезентации одной культуры над другой

(как при атеистической или конфессиональной модели), и в то же время нет симметрии их позиций во взаимодействии, делает невозможным такой смыслообраз. Он сразу же фрагментируется в восприятии обучающихся, причём заранее практически невозможно сказать, какая комбинация оценок и интерпретаций «выпадет» в конечном итоге в этот раз, какие именно аспекты религии будут истолкованы в позитивном и «близком», а какие — в отстранённом и индифферентном или даже скорее негативном ключе. Данная ситуация вписывается в модель «контекстуально-лабильной социальной идентичности», предложенную В.А. Ядовым [12, 2019, С. 498-509].

Соответственно, традиционное «нормативное прогнозирование» образовательного эффекта преподавания / изучения религии в школе в сложившейся ситуации обнаруживает свою явную недостаточность. Как следствие, здесь, как и в других проблемных сегментах образования, обнаруживается необходимость дополнительного рефлексивного модуля в форме социологического сопровождения (мониторинга). Результаты такого сопровождения призваны служить для обоснования управленческих решений в части совершенствования учебных программ соответствующих учебных дисциплин; организационно-методического и технического обеспечения преподавания; изменения режима образовательной коммуникации; подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогов; развития взаимодействия с широким кругом субъектов социокультурной образовательной среды.

Заключение (Conclusions).

Таким образом, проблема «религия в образовании» в том виде, как она существует в России, рассматривается нами как проявление в институциональном поле современного образования противоречий, характерных для межкультурной коммуникации. Массовая светская школа, в которой преподаются конфессионально ориентированные предметные дисциплины, создаёт ситуацию встречи и столкновения смысловых паттернов светского культурного мейнстрима и религиозных (конфессиональных) культур традиционных российских религий. В особенности остро этот вопрос проявляется на уровне общего среднего образования, что обусловлено его образовательными задачами и особенностями возрастной психологии обучающихся. Парадоксальность конфессионально ориентированного подхода к преподаванию / изучению религии усматривается нами в противоречии между качественно новым уровнем сложности рефлекслируемой образованием социальной реальности и стандартным подходом к её оценке / интерпретации, основанном на формировании и трансляции целостного смыслообраза религии. Реальная ситуация требует учёта возросшей фрагментированности и динамичности представлений людей о религии и всей социокультурной среды в целом, что определяет реальную культурную рефлексию религии обучающимися. Из этого вытекает необходимость социологической рефлексивной «надстройки», корректирующей образовательный процесс на систематической основе.

Литература

1. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. — М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013.
2. Белл Д. От священного к светскому // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / Сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. — М.: Аспект Пресс, 1996. С. 699-702.
3. Бергер П. Понимание современности // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 127-133.
4. Голицын Г. А., Петров В. Н. Социальная и культурная динамика: долговременные тенденции (информационный подход). — М.: КомКнига, 2005.
5. Дубин Б. Жить в России на рубеже столетий. Социологические очерки и разработки. — М.: Прогресс-Традиция, 2007.
6. Задорин И.В., Хомякова А.П. Религиозная самоидентификация респондентов в массовых опросах: что стоит за декларациями // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. №3(94). С. 161-184.
7. Метлик И. В. Религия и образование в светской школе. — М.: Планета-2000, 2004.
8. Моль А. Социодинамика культуры. — М.: КомКнига, 2005.
9. Мосионжик Л. А. Технология исторического мифа / отв. ред. С.Е. Эрлих. — СПб.: Нестор-История, 2012.

10. Православие и современность: проблемы секуляризма и постсекуляризма / под ред. Т.Г. Человенко, А.И. Мраморнова. — М.: Орел; Ливны : Изд-во Новоспасского монастыря; Издательство «Спасское дело», 2015.
11. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. — СПб.: РХГИ, 2000.
12. Социология Ядова. Методологический разговор. — М.: Новый хронограф, 2019.
13. Сухоруков В. В. Существует ли консенсус относительно российского православия? // Социология религии в обществе позднего модерна. 2018. Т. 7. — С. 42-47.
14. Тейлор Ч. Секулярный век. — М.: ББИ, 2017.
15. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. — М., 2008.
16. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. — М.: Изд-во «Весь мир», 2011.
17. Шаронова С. А. Социология образования: учебное пособие. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2011.
18. Широкалова Г. С. Федеральный закон «О образовании в Российской Федерации» и место религии в учебном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. — С. 174-176.
19. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
20. Эрвьё-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). — С. 254-268.

Маркин К.В.

Эпистемология в социологии религии Томаса Лукмана

Научная лаборатория «Социология религии»

Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Аннотация. В данной работе рассматривается проблема соотношения антропологического и социального определения религии в текстах Томаса Лукмана. Мы выдвигаем, и пытаемся защитить тезис о том, что текст «Невидимой религии» добавляет недостающие аргументы и избавляет от «религиозной недостаточности», другой текст, вышедший за год до ее собственного издания. Речь идет о «Социальном конструировании реальности» — работе, написанной Томасом Лукманом в соавторстве с Питером Бергером. Мы полагаем, что основные этапы существования социальной реальности, предложенные Бергером и Лукманом в «социальном конструировании», а именно: возникновение, функционирование и разрушение символического универсума не просто тесно связаны с тезисами «Невидимой религии» но могут быть до конца поняты только в рамках этого текста. С другой стороны, рассматривая эти работы как две части одного проекта мы избегаем многих ошибочных интерпретаций невидимой религии, как религии внеинституциональной, маргинализованной и сугубо приватной.

Ключевые слова: социология знания, эпистемология, невидимая религия, социальное конструирование реальности, Томас Лукман.

Исследование осуществлено в рамках проекта ««Невидимая религия» Т. Лукмана: истоки концепции и возможности применения для анализа современного русского православия» при поддержке программы научных исследований Фонда развития ПСТГУ в 2018 — 2020 годах.

Markin K.V.

Epistemology in the Sociology of Religion by Thomas Luckmann

St. Tikhon's Orthodox University

Abstract. This paper deals with the problem of the relationship between the anthropological and social definition of religion in the texts of Thomas Luckmann. We put forward and try to defend the thesis that the text of the “Invisible Religion” adds the missing arguments and eliminates the “religious insufficiency”, another text that came out a year before its own publication. It is about the “Social